

Знакомясь с кругом интересов, служебными обязанностями членов императорской фамилии, складывалось более ясное представление о весьма строгой и разносторонней системе воспитания и образования наследников, органичной потребности в музыкальных занятиях и организации концертов.

Ко второму дню конференции, проходившей в здании на Фонтанке, сотрудники РНБ подготовили прекрасную выставку «Музыкальные посвящения императорской семье» (в Читальном зале Отдела нотных изданий и музыкальных звукозаписей), на которой можно было увидеть редчайшие экземпляры нот музыкаль-

ных произведений, посвященных высоким покровителям РМО, а также сочинения Великой княгини Александры Иосифовны. В небольшой концертной программе проникновенно были исполнены **Викторией Евтодьевой** и **Дмитрием Часовитиным** романсы П. И. Чайковского на стихи К. Р.

Мы с удовольствием приняли участие в конференции, организованной «Дворцом конгрессов» и выражаем глубокую благодарность **Алле Николаевне Журавской**, вдохновившей нас на это в высшей степени интересное мероприятие к 150-летию Русского музыкального общества.

Grigory MOISEEV

‘With love and readiness...’

Grand Duke Constantin Nikolaevich and the Russian Music Society

Статья посвящена Великому князю Константину Николаевичу (1827–1892) и его вкладу в развитие Русского музыкального общества. В ней дана общая характеристика его деятельности на посту председателя РМО. Статья основана на архивных первоисточниках.

The paper is devoted to Grand Duke Constantin Nikolaevich of Russia (1827–1892) and his outstanding contribution into the Russian Music Society development. In it the general characteristic of its activity on a post of RMS President is given. Article is based on archival primary sources.

Григорий МОИСЕЕВ

«С любовью и готовностью...»

Великий князь Константин Николаевич и Русское музыкальное общество*

23 января 1873 года Великий князь Константин Николаевич записал в своем дневнике: «принимал депутацию от Русского Музыкального Общества, которая просила меня принять звание Президента, что я с любовью и готовностью принял»¹.

С этого момента Великий князь на протяжении семнадцати лет (до трагического июля 1889 года) покровительствовал РМО. Пожалуй никогда у штурвала отечественной музыкальной культуры не стоял столь высокий покровитель: брат Императора Александра II, председатель Государственного совета и глава русского флота и Морского ведомства, реформатор общественно-политической жизни России и, ко всему прочему, покровитель русских музыкантов, страстный любитель музыки — равно активный как в слушательской, так и в исполнительской ипостасях.

Музыка была неотъемлемой частью духовной жизни Великого князя — природы яркой, сложной и противоречивой. «...Только музыка была способна снова восстановить равновесие его души, — вспоминала Великая княжна Ольга Николаевна, сестра Константина Николаевича. — <...> Когда начинался концерт, он бывал так захвачен музыкой, что никого и ничего для него больше не существовало» [10, с. 234].

В детские годы музыкальные впечатления царевича Константина были связаны с церковным пением, домашними и придворными концертами, в которых, наряду с солистами Императорской оперы и выдающимися русскими и зарубежными инструменталистами,

Великий князь Константин Николаевич

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Президенты РМО (XIX век): материалы и документы», проект № 09-04-00396а.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 3.

принимали участие и члены императорской семьи². «Отправной точкой» в музыкальной биографии Великого князя можно считать «Жизнь за царя» Глинки — оперу, которую он впервые услышал 27 декабря 1836 года (т. е. через месяц после премьеры). Тогда ему было 9 лет. А через шесть лет, 27 ноября 1842 года, Великий князь присутствовал на премьере «Руслана и Людмилы». Творчество Глинки всегда оставалось для него идеалом музыкальной красоты.

С десятилетнего возраста царевич Константин начал регулярно заниматься у известного петербургского пианиста, органиста и основателя Певческой академии А. А. Белинга, имя которого упоминается в «Записках» М. И. Глинки. В 1850-е годы к фортепиано и органу добавилась виолончель. Хотя Великий князь начал осваивать ее довольно поздно, невероятная настойчивость принесла соответствующие плоды, так что вскоре осуществилась его мечта — играть в оркестре и в камерных ансамблях. К этому времени Константин Николаевич уже хорошо знал многих музыкантов.

Об одном знакомстве следует сказать особо. Во время заграничного плавания летом 1841 года царевич Константин встретился в Гааге с будущим «отцом-основателем» Русского музыкального общества, а тогда мальчишкой-вундеркиндом Антоном Рубинштейном. По возвращении домой именно Константин Николаевич подготовил своими рассказами в семье почву для концертов юного виртуоза в Петербурге в 1843 году (подробнее см.: [4, с. 131–133]). Таким образом, благодаря своему царственному сверстнику Рубинштейн был принят и выступал при Дворе. В свете последующей истории русской музыки значение этих ранних личных взаимоотношений трудно переоценить. Отдавая Великому князю должное, Рубинштейн, не склонный к идеализированию августейших особ, отзывался о нем с глубоким уважением: «Константин всегда музыкой интересовался, был умницей, интеллигентным человеком» [9, с. 70]. В дальнейшем их пути неоднократно пересекались, в том числе в связи с РМО, которое Константин Николаевич возглавил после смерти Великой княгини Елены Павловны.

Великий князь сыграл особую роль в истории Русского музыкального общества: оно обязано ему тем, что в 1873 году получило статус *Императорского*. К этому времени Константин Николаевич обладал огромным опытом руководителя и государственного деятеля, что было крайне актуально для Общества, переживавшего период «кризиса роста»: РМО нуждалось в реорганизации внутренней структуры на основе обновленного устава. Кроме этого, августейший председатель принимал непосредственное участие в подготовке и принятии новых уставов РМО (1873) и консерваторий (1878); возглавлял оперный (1875) и камерный (1876) конкурсы РМО; курировал русский отдел Всемирной выставки 1878 года в Париже; содействовал награждению музыкантов (например, Э. Ф. Направника, К. Ю. Давыдова, Н. Г. Рубинштейна) орденами, дававшими потомственное дворянство; занимался поиском нового помещения для Петербургской консерватории (1888–1889). При нем были открыты новые отделения РМО: в Нижнем Новгороде, Саратове, Пскове (1873), Омске (1876), Тольском (1878), Томске (1879), Тамбове (1882), Тифлисе (1883), Одессе (1884); под патронатом Морского ведомства в Петербургской консерватории создан отдел

военно-морских музыкантов, который возглавил Н. А. Римский-Корсаков (1873); введено положение о вознаграждении русских композиторов за исполнение их сочинений в концертах РМО (1879). Это — далеко не все инициативы, реализованные Константином Николаевичем «с любовью и готовностью», и все это на фоне самого живого неформального общения с музыкантами разных поколений — от профессоров до учащихся Консерватории и ее самых юных воспитанников (см.: [11]).

Остановимся на некоторых сюжетах более подробно, начав с принятия нового устава РМО. Уже с конца января 1873 года Константин Николаевич еженедельно, а иногда и по несколько раз в неделю, лично участвует в пересоставлении устава Общества. 6 апреля происходит знаменательное событие: Великий князь «дал знать С.-Петербургской дирекции, что Государь Император соизволил пожаловать Русскому Музыкальному Обществу титул «Императорского»» [6, с. 10]. Это означало, что ему не только был придан государственный статус, но и обеспечена постоянная ежегодная субсидия — в размере 88 тысяч рублей [7, с. 7]. К началу лета Устав был одобрен Комитетом министров, а 4 июля «Высочайше утвержден». По словам Н. Ф. Финдейзена, новый устав устранил многие несовершенства прежней редакции и расширил «права Общества и его музыкально-педагогических учреждений», в первую очередь, столичных консерваторий [12, с. 60].

Автору данной статьи, как представителю Московской консерватории, важно отметить, что Константин Николаевич проявлял к ней повышенный интерес. Еще не будучи председателем РМО, он исходатайствовал для нее в 1872 году у императора ежегодную субсидию в 20 тысяч рублей, чем спас от финансового краха (см.: [5]). С этого времени Великий князь почти ежегодно посещал Московскую консерваторию, восхищаясь ее успешной деятельностью и молодыми дарованиями. Так, например, 13 марта 1875 года он провел в ней более двух часов, «слушая разных учеников и учениц», и написал в дневнике: «Удивительных результатов достигла здешняя консерватория, особенно по скрипке и фортепиано. Под конец просил Кадмину нам что-нибудь пропеть, и она выбрала «Чудный сон» и несколько раз выдавливала у меня слезы»³.

Особое внимание Константина Николаевича к Москве было связано с личностью Н. Г. Рубинштейна. Его игру Великий князь называл не иначе, как «неимоверно великолепной» и «непозволительно восхитительной». Став августейшим председателем и покровителем РМО, Константин Николаевич обрел в лице Николая Григорьевича одного из самых активных и заинтересованных сотрудников. Сообща они работали над пересмотром уставов Общества и консерваторий, сотрудничали на оперном конкурсе по «Кузнецу Вакуле», разрабатывали программы «русских концертов» в Париже, обсуждали музыкальные дела в провинциальных отделениях (которые Рубинштейн инспектировал по заданию августейшего президента), планы покупки новых помещений для Московской консерватории и т. д. Нередко между ними возникали острые дискуссии, которые, благодаря дипломатическому таланту Великого князя и его умению находить общий язык с любыми оппонентами, никогда не переходили в непримиримое противостояние.

² Музыкальностью отличались августейшие родители Великого князя — император Николай I и императрица Александра Фёдоровна, а также его братья и сестры, в особенности рано умершая старшая сестра Александра (Адини, 1825–1844), обладавшая замечательным голосом, и младший брат Михаил (1832–1909), который как и Константин Николаевич, был страстным виолончелистом-любителем.

³ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 59 об.

Однако без преувеличения можно сказать, что родным домом для Великого князя была Петербургская консерватория. Ее профессора, К. Б. Шуберт и И. И. Зейферт, учили его игре на виолончели, а многие другие преподаватели и студенты принимали постоянное участие в известных музыкальных собраниях, которые проходили по субботам или пятницам в Мраморном дворце — резиденции Константина Николаевича.

Эти собрания следует считать выдающимся событием русской культуры последней трети XIX века, поскольку здесь выступали крупнейшие артисты — А. Г. и Н. Г. Рубинштейны, Й. Иоахим, Л. С. Ауэр, К. Ю. Давыдов, Г. Венявский, Г. фон Бюлов, Л. Брассен, П. Сарасате, С. Менгер, Д. Поппер и многие другие. Перед публичными выступлениями на концертах РМО они играли или репетировали в Мраморном дворце. Постоянным участником великокняжеских музыкальных собраний был струнный квартет, в котором сам Великий князь играл на виолончели. В качестве пианистов выступали Рудольф Кюндингер или Эдуард Направник, который также играл на органе. В 1860-е годы «на субботках» присутствовали в основном музыканты и члены царской семьи. Став главой РМО, Константин Николаевич стремился расширить свои «субботы», чтобы, как он говорил, «составить из них музыкальный центр» — в этом сказало желание князя сплотить музыкальное сообщество.

По своему составу музыкальные собрания выходили за рамки традиционного камерного музицирования, поскольку помимо струнных и фортепиано в них использовался орган. Основу репертуара составляла струнная камерная музыка венских классиков и европейских композиторов классической ориентации, в частности И. Брамса. Сочинения современных русских авторов исполнялись на собраниях не слишком часто: с большей или меньшей регулярностью звучала камерная музыка К. Б. Шуберта, А. Г. Рубинштейна, Э. Ф. Направника, П. И. Чайковского. Переложения с участием органа охватывали ораториальные, симфонические и театральные-сценические сочинения западноевропейских авторов XVIII–XIX веков — от ораторий Г. Ф. Генделя до симфоний И. Брамса, а также избранные произведения русских авторов — кантата А. Ф. Львова «Stabat Mater», обе оперы Глинки, «Рогнеда» Серова.

Музыкальные вкусы Константина Николаевича в целом были достаточно широкими, хотя и с некоторыми ограничениями, вполне объяснимыми для слушателя той эпохи. Везде, где бы он ни находился, Великий князь знакомился с новой музыкой. Так, в Германии он узнал «музыкальные драмы» Р. Вагнера, и его можно причислить к первым русским вагнерианцам (любимой оперой был «Лоэнгрин»). Константин Николаевич интересовался Г. Берлиозом и Ф. Листом, хотя не все в их творчестве ему нравилось. Как уже отмечалось, идеалом музыкальной красоты и символом национального искусства для Великого князя на протяжении всей жизни оставался М. И. Глинка. «Святыня Глинки, — писал он в декабре 1885 года, протестуя против редактирования Г. фон Бюловым «Арагонской хоты», — составляет нашу общую собственность», и ее никому не позволено «трогать и исправлять» (подробнее см.: [4, с. 150–151]). Горячей поддержкой Великого князя пользовался А. Н. Серов, оперы которого Константин Николаевич с годами ценил все больше. Князь Д. А. Оболенский (вице-президент РМО до 1881 года) отмечал, что благодаря участию Константина Николаевича и Елены Павловны композитор получил от Алексан-

дра II за «Рогнеду» пенсию в 1000 рублей. В 1869 году Великий князь предложил Серову положить в основу сюжета новой оперы «Слово о Полку Игореве», но замысел не был осуществлен: в то время композитор был занят сочинением «Вражьей силы», а 20 января 1871 года его не стало (подробнее см.: [3, с. 20]). В своих «Записках» Оболенский подчеркнул факт присутствия Великого князя на похоронах Серова: «это, кажется, в первый раз, чтобы кто-нибудь из членов императорской фамилии принимал лично участие в выражении сочувствия к утрате талантливого художника» [1, с. 259]. На другой день после смерти Серова в Мраморном дворце состоялся концерт, куда съехалась вся царская фамилия, и в конце которого «Великий князь заставил артистов пропеть дуэт из «Рогнеды», что <...> произвело очень приятное впечатление на всех артистов русской оперы» [1, с. 259].

К творчеству представителей «Могучей кучки» Константин Николаевич относился скептически, считая их идеологию предвзятой, и испытывал неприязнь к творчеству М. П. Мусоргского и А. П. Бородина. В то же время он содействовал Н. А. Римскому-Корсакову в постановке на императорской сцене «Псковитянки» [8, с. 74–75].

В рамках настоящей статьи нельзя пройти мимо некоторых эпизодов из взаимоотношений Великого князя и П. И. Чайковского. Хорошо известно, что Пётр Ильич был близко знаком с сыном Великого князя Константином Николаевичем — Великим князем Константиновичем, и именно ему композитор признавался: «Если бы не покровительство Великого Князя, отца Вашего, — ни одной моей оперы не приняли бы на сцену» [2, с. 81]. Знакомство композитора с Константином Николаевичем произошло 24 октября 1872 года, когда в Петербурге исполнялся Первый струнный квартет ор. 11. В 1874 году на сцене Мариинского театра при содействии Великого князя была поставлена посвященная ему опера «Опричник» и исполнена в Павловском вокзале под управлением В. Бильзе Вторая симфония. Тогда же ему был посвящен только что написанный Второй струнный квартет ор. 22, который Чайковский считал «лучшим своим сочинением» [13, с. 56]. В 1875 году «Кузнецу Вакуле» была присуждена первая премия на оперном конкурсе РМО, жюри которого возглавлял Константин Николаевич. Великий князь рекомендовал Чайковскому посвятить оперу памяти основательницы Русского музыкального общества Великой княгини Елены Павловны. В личных отношениях Чайковского и Великого князя, несомненно, присутствовала взаимная симпатия, что видно, например, из описания их случайной встречи 4 января 1883 года в парижской «Опера комик» на «Свадьбе Фигаро» Моцарта. «Он [Константин Николаевич] был необычайно мил, любезен, очарователен, — писал Чайковский Н. Ф. фон Мекк. — В начале каждого антракта <...> он уводил меня на площадку курить и беседовал со мной как самый простой смертный. Оказывается, что он ужасно любит Париж именно за то, что здесь его не замечают и ему беспрепятственно можно держать себя частным человеком» [14, с. 18].

Приведенный эпизод относится уже к 1880-м годам, периоду потери и потрясений. После гибели в 1881 году Александра II Константин Николаевич был отстранен от занимаемых им высших государственных должностей. Большую часть времени он проводил вне Петербурга — за границей как частное лицо или в крымском имении Ореанда. В его отсутствие обязанности председателя исполнял, согласно уставу

Общества, вице-президент РМО, сенатор Андрей Николаевич Маркевич, регулярно информировавший Великого князя о текущих событиях. Другим человеком, которому Константин Николаевич полностью доверял, был директор Петербургской консерватории, знаменитый виолончелист Карл Юльевич Давыдов.

В начале 1887 года, находясь в Ореанде, Константин Николаевич получил известие о том, что Карл Юльевич неожиданно отказался от своего поста. «Дома читал почту и отдыхал. Деша из Питера, что Давыдов бросил Консерваторию, подал в отставку и уехал, а его место согласился принять Рубинштейн. Что за катавасия всегда в музыкальном мире, когда я в отлучении!» — записал Великий князь в своем дневнике⁴. Как известно, А. Г. Рубинштейн занял сначала пост директора Консерватории, а затем и главы Петербургского отделения РМО (с 1889). Константин Николаевич был свидетелем всего его творческого пути и артистических триумфов, и когда 16 февраля 1887 года давние знакомые встретились в Мраморном дворце, Великий князь отметил, что они «вполне сошлись с мыслями. Надеюсь, что дело пойдет у нас на лад»⁵. На следующий день Константин Николаевич и Антон Григорьевич вместе посетили Консерваторию. «Рубинштейн, — писал Великий князь, — очень недоволен всем фортепианным преподаванием и профессорами и их программами. Разумеется, что такого артиста как он трудно удовлетворить»⁶. Вскоре в музыкальной жизни Петербурга началось, по выражению Н. Ф. Финдейзена, «недолговременное новое царствование А. Г. Рубинштейна» [12, с. 69].

В сентябре того же года торжественно отмечался 25-летний юбилей первой русской Консерватории. Августейший президент на нем не присутствовал, так как в это время жил в Крыму. Ответом на присланный им поздравительный адрес была, по свидетельству А. Н. Маркевича, стихийная радость всех собравшихся: «За обедом получена была депеша нашего возлюбленного Председателя. Деша эта была прочтена громко перед провозглашением тоста за здоровье Вашего Высочества. Я не берусь описать впечатление, произведенное этою сердечною депешою, — это был невообразимый, неумолкаемый крик,

длившийся несколько минут, который остановить не было никакой возможности; впрочем и попыток остановить этот крик никто не мог делать, ибо все кричали. Воображаю, что бы это было, если бы Ваше Высочество были на лице, — я был бы в большом ужасе и страхе за Вас»⁷. Эти слова свидетельствуют об искренней любви, которой пользовался Константин Николаевич в музыкальных кругах.

Великий князь вернулся в столицу 8 февраля 1888 года. Его приезд ожидался с нетерпением: Александр III, побывавший в Петербургской консерватории несколькими днями ранее, «высказал надежду посетить» ее «в следующий раз в другом, более удобном помещении» (цит. по: [12, с. 77]). Начались активные поиски. Великий князь неоднократно обсуждал с Императором и петербургскими чиновниками различные варианты. Как известно, к началу 1889 года было принято решение о перестройке под Консерваторию здания Большого театра. Этот важный исторический факт традиционно связывают с именами А. Г. Рубинштейна и супруги Константина Николаевича, Великой княгини Александры Иосифовны и оставляют без внимания действия первого лица и главы РМО, хотя на первом этапе именно он координировал действия различных государственных и общественных структур и лично консультировался с Александром III. Его опыт руководителя и организатора нельзя не учесть хотя бы потому, что дальнейшие события развивались по сценарию, предложенному Великим князем: по его инициативе была организована «особо утвержденная Высочайшей властью» строительная комиссия, в которую вошли А. Н. Маркевич, А. Г. Рубинштейн, А. А. Герке, представители дирекции СПб отделения РМО и министерств двора, внутренних дел и финансов.

Константину Николаевичу уже не суждено было увидеть нового расцвета Консерватории и музыкальной жизни Петербурга. В июле 1889 года его поразил тяжелый инсульт, и обязанности председателя РМО перешли к Великой княгине Александре Иосифовне. В истории Русского музыкального общества началась новая страница.

Список литературы

1. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Отв. ред. В. Г. Чернуха. — СПб.: Издательство СПб ИИ РАН «Нестор-История», 2005. — 504 с.
2. **К. Р.** Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 528 с.
3. **Моисеев Г. А.** Великий князь Константин Николаевич и русские музыканты // Музыкаведение. — 2009. — № 4. — С. 18–24.
4. **Моисеев Г. А.** Великий князь Константин Николаевич — президент Императорского Русского музыкального общества // Наследие: Русская музыка — мировая культура. Сб. ст. Вып. 1 / Сост. Е. С. Власова, Е. Г. Сорокина. — М.: Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2009. — С. 128–154.
5. Отчет Московского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1872/1873 год. — М.: Б. и., 1874. — 141 с.
6. Отчет С.-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества за 1872/1873 год. — СПб.: Б. и., 1874. — 121 с.
7. **Пузыревский А. И.** Императорское Русское музыкальное общество в первые 50 лет его деятельности (1859–1909). СПб.: Б. и., 1909. — 48 с.

8. **Римский-Корсаков Н. А.** Летопись моей музыкальной жизни. Изд 7-е. — М.: Государственное музыкальное издательство, 1955. — 398 с.

9. **Рубинштейн А. Г.** Литературное наследие: В 3 т. / Сост., текстол. подгот. и вступ. ст. Л. А. Баренбойма. — Т. 1. — М.: Музыка, 1983. — 216 с.

10. Сон юности. Воспоминания Великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император / Сост. Н. И. Азаровой. — М.: СЛОВО / SLOVO, 2000. — 616 с.

11. **Унковская А. В.** Воспоминания. — Калуга: Фридригельм, 2006. — 352 с.

12. **Финдейзен Н. Ф.** Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества (1859–1909). — СПб.: Б. и., 1909. — 119 с.

13. **Чайковский П. И.** Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: В 17 т. — Т. VI. — М.: Музыка, 1961. — 396 с.

14. **Чайковский П. И.** Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка: В 17 т. — Т. XII. — М.: Музыка, 1970. — 595 с.

⁴ Запись от 11 января 1887 года. ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 120.

⁵ Там же. Л. 108 об.

⁶ Там же. Л. 109.

⁷ Письмо от 9 сентября 1887 года. ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 563. Л. 41.